

твою повелеваю ти: сее нощи донеси мя из Великого Новаграда въ Иеросалимъ-град и постави мя у церкви, иде^б же гробъ господень, и изъ Еросалима-града сее же нощи в келии моей⁷, в ню же дерзнулъ еси внити. И азъ тя испущу^с. Бесъ же всячески обещася сотворити волю святаго, токмо рече: „Испусти мя, рабе божий, се бо люте стражду!“

Святой же, запретивъ бесу, испусти и, рекъ: „Да будещи яко конь уготовленъ, предстои пред кельею моею, да имамъ на тя въсести и совершити желание свое“. Бесъ же изиде яко тма изъ сосуда, и ста яко конь пред кельею святаго, яко же требе святому. Святой же, изиде ис келья, и въоружи себе крестомъ, и вседе на нь, и обретесе тоя нощи во Иеросалимеграде близъ церкви святаго Въскресения, иде же гробъ господень и часть животворящаго древа.

Бесу же запрети, да не отгидеть от места того. Бесъ же стоя, никакo не могий двинутися с места, дондеже святой прииде къ церкви святаго Воскресения.

И ста пред дверми церковными и, преклонивъ колени, помолися, и отверзошася двери церковныя сами о себе, и свечи и пандикадила въ церкви и у гроба господня възъжгошася. Святой же благодарствене моля бога, и пролиа слезы, и поклонися гробу господню и облобыза и, тако же и животворящему древу, и всемъ святымъ образомъ и местомъ, иже суть въ церкви. Изиде изъ церкви, совершивъ желание свое, и паки двери церковныя особъ затворишася.

И обрете святой беса стояща на томъ месте, иде же повеле ему, яко коня уготовлена. И вседе на нь святой, и обретесе тое же нощи в Великомъ Новаграде, в келии своей.

И отходя бес ис келии святаго, и рече: „Иоанне! ты мя потруди⁸ во единой нощи донести себе из Великого Новаграда во Иеросалимъ-град, и тое же нощи изъ Еросалима-града в Великий Новъград. Се бо запрещениемъ твоимъ, яко узами неразрешенно держимъ бых и бедне сего претерпех. Ты же да не повеси⁹ никому же збывшаяся о мне. Аще ли исповеси, аз же имамъ на тя искушение навести. Имаши бо, яко блудникъ осуженъ быти, и много поруганъ быти, и на плоть посаженъ на реце, рекомомъ Волхове“. Сиа же блядущу лукавому¹⁰, святой же сътвори крестное знамение, и исчезе бесъ.

Некогда же святому, яко же имеяше обычай, упражняющуся въ духовней беседе съ честными игумены, и со искуснейшими иереи, и з богобоязновыми мужи, и учение свое простирающу, и святых житиа сказующу, еже на ползю людемъ. Людем же послушающимъ в сладость святаго учения: не ленивъ бо бяше еже учити люди. Тогда же глагола, яко о иномъ некоторомъ сказуа, еже збытсся на нем. „Азъ, рече, вемъ такова человека, бывша во единой нощи из Великого Новаграда во Иеросалимеграде, и поклонився гробу господню и паки возвратившася тое же нощи в Великий

Новъград“. Игуменомъ же, иереомъ и всемъ людемъ удивльшимся о семъ...

*Памятники литературы древней Руси,
XIV — середина XV века. Москва 1981, с. 454—456.*

¹то, со ²з боží vůle ³вiце ⁴покушени ⁵velice ⁶kde ⁷v mé cele ⁸přinutil ⁹nepověz ¹⁰když toto řekl čert

Putování za tři moře Afanasije Nikitina,

jež napsal tverský kupec v druhé polovině 15. století, navazuje na tradiční žánr středověkých putování (hoždění), která zachycovala převážně dojmy z poutí věřících do Palestiny a na jiná, pro křesťany posvátná místa. (V ruském písemnictví počátku 12. století je Putování opata Daniela.)

Účel a cíl cesty Afanasije Nikitina v letech 1466—1472 byly však jiné. Šel do Persie a Indie s nadějí, že výhodný obchod v dalekých zemích mu pomůže zbavit se dluhů. Jeho obchodní cesta však toto očekávání nesplnila. Při návratu zemřel nedaleko Smolenska a jediným ziskem zůstaly jeho deníkové zápisky z cesty, pojaté do celoruského letopisu konce 15. století.

Největší pozornost Nikitin věnoval vypsání dojmů z více než dvouletého pobytu v Indii. Líčení obyvatel, měst, panovnického paláce, trhů a místních zvyků se tu střídá s Nikitinovými strastiplnými zážitky a se vzpomínkami na vzdálenou vlast. Jeho zápisky mají jednoznačně světský ráz a vynikají bezprostředností, neovlivněnou literárními šablonami. Památka je zajímavá nejen jako jeden z nejstarších evropských cestopisů o zemích Východu (napsáno o třicet let dříve, než Indii objevil portugalský mořeplavec Vasco da Gama), ale také jako autentický obraz myšlenkového obzoru ruského měšťana 15. století.

Také staročeská literatura měla celou řadu cestopisů. Cestopis světského charakteru je doložen z doby Jiřího z Poděbrad z 15. století.

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

.....

И тут есть Индейская страна, и люди ходят нагы все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, дети родят на всякий годъ, а детей у нихъ много, а мужы и жены все черны; язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся белому человеку. А князь ихъ — фота на голове, а другаа на бедрахъ; а бояре у них ходятъ — фота на плече, а другыя на бедрахъ; а княгыни ходятъ — фота на плечемъ обогнута, а другаа на бедрахъ; а слугы княжия и боярьскыя — фота

на бедрахъ обогнута, да щить да мечь в рукахъ, а инии с сулицами¹, а ины с ножи, а иния с саблями, а инии с луки и стрелами, а все нагы, да босы, да болкаты², а жонки ходять голова не покрыта, а груди голы; а паропкы да девочки ходять нагы до 7 летъ, а соромъ не покрытъ... И язъ грешный привезлъ жеребца в Бндейскую землю, дошелъ есми до Чюнеря³ богъ даль поздорову все, а сталъ ми сто рублевъ. Зима же у нихъ стала с троицина дни, а зимовали есмя в Чюнейре, жили есмя два месяца; ежедень и ночь 4 месяца, а всюда вода да грязь. В те же дни у нихъ орють да сеють пшеницу, да тутурганъ⁴, да ногуть⁵, да все съястное... Во Индейской же земли кони ся у нихъ не родяты; въ ихъ земли родяты волы да буволы, на техъ же ездять и товаръ иное возять, все делаютъ. Чюнеръ ж градъ есть на острову на каменомъ, не деланъ ничимъ, богомъ сътворенъ; а ходят на горудень по единому человеку, дорога тесна, пойти нелзя. Во Индейской земли гости ся ставятъ по подворьемъ, а ести варять на гости господарьни, и постелю стелють, и спять с гостями... А въ томъ Чюнере ханъ у меня взялъ жерепца, а уведалъ, что язъ не бесерменинъ, русинъ, и онъ молвить: „и жерепца дамъ, да тысячу золотыхъ дамъ, а станъ в веру нашу въ Махметъ дени⁶; а не станешъ въ веру нашу въ Махметъ дени, и жерепца возму в тысячу золотыхъ на главе твоей возму“; а срокъ учинилъ на 4 дни, въ госпожино говейно⁷ на Спасов день. И господь богъ смиловася на свой честный праздник, не отстави отъ меня милости своя грешнаго и не повеле погыбнути въ Чюнере с нечестивыми: и канунъ Спасова дни приехалъ хозяйочи⁸ Махметъ хоросанецъ⁹, билъ есми челомъ ему, чтобы ся о мне печаловалъ, и онъ ездилъ к хану в городъ да мене отпросилъ, чтобы мя в веру не поставили да и жерепца моего у него взялъ. Таково господарево чудо на Спасовъ день. Ино, братья русьстии християне, кто хочеть пойти въ Бндейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да въскликнувъ Махмета да поиди в Гундустанскую землю. Мене залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару, ано нетъ ничего на нашу землю, все товаръ белой на бесерменьскую землю, перецъ да краска, то дешево; ино возять аче моремъ, инии пошлины не дають, а люди ины намъ провезти пошлины не дадутъ, и пошлины много, а разбойниковъ на море много. А розбивают все кофары¹⁰, ни крестияне, ни бесермена; а молятся каменнымъ болваномъ, а Христа не знаютъ... Во Индейской земли княжаты все хоросанци, и бояре все хоросанци; а гундустанци все пешеходы, а ходять борзо, а все нагы да босы, да щить в руке, а въ другой мечь, а иния слугы с великими с прямыми луки да стрелами. А бой ихъ все слоны, да пешихъ пускають напередъ, хоросанци на конехъ да в доспесехъ, и кони и сами; а къ слономъ вяжутъ к рылу да к зубомъ великия мечи по кендарю¹¹ кованы, да оболочаты ихъ в доспехъ булатный, да на нихъ учинены городькы, да и в горотъке по 12 человекъ в доспесехъ, да все с пушками да стрелами. Есть у нихъ одно место, шихбъ алудинъ пиръ атырь бозаръ

алядинандъ¹², на годъ единъ бозаръ, съеждается вся страна Индейская торговати, да торгують 10 дней, отъ Бедеря¹³ 12 кововъ¹⁴, приводятъ коней до 20 тысящ продають, всякий товаръ свозять; во Гондустанской земли той торгъ лучший, всякий товаръ продають, купяты, на память шиха¹⁵ Аладина, на руський праздникъ на покровъ свята богородица. Есть въ томъ Алянде и птица гукукъ¹⁶, летаетъ ночи, а кличетъ гукукъ, а на которой хоромине сидеть, то тутъ человекъ умереть, а къто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огонь выидеть. А мамонъ¹⁷ ходять ночи да имають куры, а живутъ въ горе или в каменье. А обезьяны то те живутъ по лесу, да у нихъ есть князь обезьяньский, да ходитъ ратию своєю, да кто ихъ займають, и они ся жалують князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они пришедъ на градъ, и дворы разволяютъ и людей побьють; а рати ихъ сказывають, велми много, и языки ихъ есть свои, а детей родяты много; да которой родится не въ отца, не въ мать, ины техъ мечють по дорогамъ; ины гондустанци техъ имають да учать ихъ всякому рукоделью, а иныхъ продають ночи, чтобы взадъ не знали побезжати, а иныхъ учать базы миканетъ¹⁸. Весна же у нихъ стала съ Покрова свята богородица, а празднують шиху Аладину и весне две недели по Покрове, а празднують 8 дни; а весну держать 3 месяца, а лето 3 месяца, а зиму 3 месяца, а осень 3 месяца. В Бедери же ихъ столъ Гундустану бесерменьскому, а градъ есть великъ, а людей много велми: а салтанъ великъ 20 лет, а держать бояре, а княжаты харасанци, а воюють все хорасанци.

.....

А язъ жерепца своего продалъ въ Бедери, да наложилъ есми у него 60 да и 8 футунов¹⁹, а кормилъ есми его годъ. Въ Бедери же змии ходять по улицамъ, а длина ея две сажени. Приидохъ же въ Бедеръ о заговейне о Филипове²⁰ ис Кулонгеря, и продахъ жеребца своего о Рожестве, и тутъ быхъ до великого заговейна въ Бедери и познася со многими индеяны и сказахъ имъ веру свою, что есми не бесерменинъ... есть християнинъ, а имя ми Офнасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учили ся отъ меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле, ни о моназу²¹, ни о иныхъ вещехъ, ни жонъ своихъ не учили крыти; да о вере же о ихъ распытахъ все, и оны сказывають; веруемъ въ Адама, а Буты²², кажутъ, то есть Адамъ и родъ его весь. А веръ въ Индеи всехъ 80 и 4 веры, а все верують въ Бута; а вера с верою ни пиеть, ни ясть, ни женится; а иния же боранину, да куры, да рыбу, да яйца ядятъ, а воловины не ядятъ никакаа вера.

Въ Бедери же быхъ 4 месяца и свещахся съ индеяны пойти къ Первоти, то ихъ Ерусалимъ, а по бесерменьскы Мягька гьде их бутхана²³. Тамъ же поидохъ съ индеяны до бутуханы месяц, и торгу у бутуханы 5 дни. А бутхана же велми велика, есть съ поль-Твери, камена, да резаны по ней

десяния Бутовья, около ея всея 12 резано венцевъ, какъ Бутъ чудеса творилъ, какъ ся имъ являлъ многими образы: первое человеческимъ образомъ являлся, другое человекъ, а носъ слоновъ, третье человекъ, а виденье обезьянино, въ четвертые человекъ, а образомъ лютого зверя, являлся имъ все съ хвостомъ, а вырезанъ на камени, а хвостъ черезъ него сажень. Къ бутхану же съезжается вся страна индейскаа на чудо Бутово; да у бутханы бреются старья женки и девки, а бреють на собе все волосы, и бороды, и головы, да пойдуть къ бутхану... Въ бутхане же Бутъ вырезанъ ис камени, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ, акы Устьянъ царь царяградскы, а въ левой руке у него копие, а на немъ нетъ ничево, а гузно у него обязано ширинкою, а виденье обезьянино: а инья Буты нагы, нетъ ничего, котъ ачюкъ²⁴, а жонки Бутовы нагы вырезаны и с соромомъ, а з детми. А перет Бутомъ же стоитъ волъ велми великъ, а вырезанъ ис камени ис чернаго, а весь позолочень, а целують его въ копыто, а сыплють на него цветы, и на Бута сыплють цветы.

Индеяне же не ядятъ никоторого мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у нихъ велми много; а ядятъ же днем двожды, а ночи не ядятъ, а вина не пьютъ, ни сыты; а съ бесермьны не пьютъ, ни ядятъ. А ества же ихъ плоха, а одинъ съ однимъ ни пьютъ, ни ясть, ни съ женою: а ядятъ брынецъ, да кичири²⁵ съ масломъ, да травы розныя ядятъ, все рукою правою, а левою не примется ни за что, а ножа не держать, а лъжици не знаютъ, а на дорозе кто же собе варить кашу, а у всякого по горнцу²⁶. А отъ бесермянъ крыются, чтобы не посмотрилъ ни въ горнецъ, ни въ яству; а посмотрилъ бесерменинъ на еству, и онъ не ясть, а ядятъ иные покрываються платомъ, чтобы никто не видалъ его. А намазъ же ихъ на востокъ, по-руськы, обе руки подымають высоко, да кладуть на темя, да ложатся ниць на земли, да весь ся истягнуть по земли, то ихъ поклоны. А ясти же садятся, ини омывають руки да и ноги, да и ротъ пополаскывають. А бухтаны же ихъ безъ дверей, а ставлены на востокъ, а Буты стоять на востокъ. А кто у нихъ умереть ини техъ жгутъ да пепель сыплють на воду. А у жены дитя родится, ино бабить²⁷ мужъ, а имя сыну дасть отецъ, а дочери мати... Отъ Первати же приехалъ еси в Бедеръ, за 15 дний до бесерменьскаго улубагря²⁸.

.....

О благовернии християне! иже кто по многимъ землямъ много плавать, въ многыя грехы впадаетъ и веры ся да лишаетъ христианскыя. Азъ же, рабище божие Афонасие, и сжалися по вере; уже проидоша четыре великыя говейна и 4 проидоша Великыя дни²⁹, азъ же грешный не ведаю, что есть Великий день, или говейно, ни Рожества христова не ведаю, ни иныхъ праздников не ведаю, ни среды, ни пятницы не ведаю; а книгъ у ме-

ня нетъ: коли мя пограбили, ино книги взяли у мене, азъ же отъ многыя беды поидохъ до Индеи, занеже ми на Русь пойти не с чемъ, не осталось товару ничего. Пръвый же Великъ день взялъ еси въ Каинъ, другой Великъ день въ Чебукару въ Маздранской земли, третий Великий день въ Гурмызе, четвертый Великий день в Индеи съ бесермьны въ Бедери: и ты же много плакахъ по вере по хрестьянской. Бесерменинъ же Меликъ тотъ мя много понуди в веру бесерменьскую стати; азъ же ему рекохъ: „Господине! ты намаръ кыларесень, менда намазъ киларьмень; ты бешъ намазъ киларьсизъменда 3 каларемьмень гарипъ, асень иньчай³⁰, онъ же ми рече: „Истину ты не бесерменинъ кажешися, а хрестьянства не знаешь“. Азъ же въ многыя помышления впадохъ и рекохъ себе: „Горе мне окаанному, яко отъ пути истинного заблудихся и пути не знаю, уже самъ поиду. Господи боже вседержителю, творецъ небу и земли! не отврати лица отъ рабища твоего, яко скорбь близъ есмь. Господи! призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, господи, отъ пути истиннаго и настави мя, господи, на путь твой правый, яко никоея же добродетели въ нужи той сотворишь тебе, господи мой, яко дни своя преплыхъ все во зле, господи мой, олло переводигерь, олло ты, каримъ олло рагым олло, каримъ олло, рагымъелло; ахалимъ дулимо³¹. Уже проидоша 4 Великыя дни въ бесерменьской земли, а христианства не оставихъ; дале богъ ведаеть, что будеть. Господи боже, еси на тя уповахъ, спаси мя, господи боже мой!...“

Gudzij, s. 220–225.

¹sudlicemi (starobylá zbraň) ²tmaví ³staré indické město na východ od Bombaje ⁴proso ⁵hrách ⁶mo-hamedánství ⁷půst v čest Matky boží ⁸označení vznešené osoby ⁹Chorosánek (obyvatel severovýchodního Íránu) ¹⁰nevěřící ¹¹jednotka hmotnosti (asi 500 g) ¹²trh světce šejka Aladina v městě Aladinand ¹³jedno z nejvýznamnějších indických měst té doby ¹⁴míra vzdálenosti, asi 10 km ¹⁵šejka ¹⁶druh sovy ¹⁷divoké kočky nebo kunovité šelmy ¹⁸tancovat (persky) ¹⁹zlaté a stříbrné mince různé hodnoty ²⁰Filipův půst před vánoce ²¹muslimská modlitba ²²Buddhy (sochy Buddhů) ²³Buddhův chrám ²⁴zadní část je nahá ²⁵jídlo z rýže ²⁶má svou nádobu ²⁷přivádí na svět ²⁸muslimský svátek ²⁹velikonoce ³⁰ty se modlíš, i já se modlím, ty odříkáš pět modliteb, já tři, já jsem cizinec a ty zdejší ³¹Alláh je stvořitel, Alláh je štědrý, laskavý, Alláh je milosrdný, sláva Alláhovi!

O velikém vojvodovi Drakulovi

Od literárních děl 15. století, značně ještě nábožensky orientovaných, odlišuje se vyprávění o Drakulovi svým světským tématem. Avšak líčením „hrozného“ panovníka toto dílo zapadá do dobových publistických děl, rozšířených ještě více v 16. století, řešících otázku ideálního a přitom silného panovníka. Autor, pravděpodobně člen ruského poselstva pobývajícím koncem 15. století na uherském dvoře, přinesl odtud zprávy o ukrutných činech valašského vládce Vlada